

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Площадь мира

Что будет после СВО? История и тайны четырех гектаров в центре России

Выставка Советская изнанка. Фото: музейный центр Площадь мира, Красноярск

13:10, 20 декабря 2025,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Эти два города основаны в одно время и по одному сценарию — колонистами из Европы на землях туземцев. Нью-Йорк отмечает четырехвековой юбилей несобранно, растянуто и скромно, будто нехотя, а Красноярску, что помладше на четыре года, праздновать в 2028-м предписано ударно и с размахом. Минувшим летом город начали готовить. Как водится, меняют к торжествам поклеванные птицами бордюры и загаженную ими же тротуарную плитку, вырубают прижившиеся деревья и сокращают парковочные места. Вероятно, чтоб жизнь медом не казалась.

После пожара 1773 года, когда уцелело лишь тридцать домов, сержант геодезии Моисеев придал Красноярску линейную планировку — петербургского военного образца (а Манхэттену, историческому ядру Нью-Йорка, генплан с квадратно-гнездовой застройкой дали куда позже, только в 1811-м), и движение в компактном — на речной террасе — историческом центре Красноярска впоследствии организовали как марксистско-ленинское: по улице Маркса одностороннее направо, по Ленина — налево. Маркса теперь разрыта, и давно: ищут метро. К юбилею и перпендикулярные Марксу–Ленину улицы перекопали, причем разом. Так исторический центр Красноярска оказался парализован. Людям пришлось ходить пешком, перепрыгивая траншеи и меся грязь.

Но всё не зря. Когда в конце августа в многолюдном месте на Каратанова — самой первой улице на Стрелке (месте встречи Качи с Енисеем, откуда город четыре века назад и начался), рядом с рестораном «Перцы» и бизнес-центром «Метрополь», где сидят краевые министерства, из ковша экскаватора вместе с землей посыпались человеческие черепа и кости, работы останавливают. Собирается толпа, вызывает полицию. Эксперты: скелеты — не криминальные, не из 90-х и даже не из 37-го. Хотя всех присутствовавших, конечно, поражает прекрасное состояние зубов — они все в черепках на месте, все

ровные, здоровые. Как из учебников для дантистов. Фоном тут светится уличная реклама о «лечении первого кариеса всего за две тысячи».

Понятно: в этом месте копали не впервые. Здесь прокладывали трубы, здесь же электрические кабели, здесь закапывали пучки интернет-кабелей уже в нулевые годы.

Скелеты, разрушенные и целые, лежат прямо на трубах. И между водопроводом и интернет-коммуникациями. То есть или свежие захоронения, или рабочие прежде не придавали значения костям и черепам.

Всё, в т.ч. мои расспросы археологов, экспертов краеведческого музея, говорит за второй вариант. Но когда при Хрущеве строили Красноярский алюминиевый завод и вскрывали массовые захоронения времен Большого террора, рабочие все же докладывали, приезжали солдаты, сгребали останки, увозили в неизвестном направлении. То же на Взлетке, еще одном предполагаемом расстрельном полигоне. Здесь — не останавливались. Вот только сейчас. Почему?

Коллективное захоронение. Видимо, состоящее из несвязанных сюжетов разного времени. 38 скелетов в три яруса. Сверху части скелетов новорожденного ребенка и подростка, дальше все сплошь молодые и здоровые мужчины.

Мы все (кто живет в центре Красноярска) каждодневно ходим мимо обнажившихся черепов с этими отменными зубами. Археологи, тщательно вскрывающие этажи могильной ямы, периодически дают нам пояснения.

Говорят: останки первых красноярцев. Стартаперов. Из команды основателя города Андрея Дубенского. Причина смерти? Осады, тяжелейшие сражения, работоторговля, пожары будут потом, причина, предположительно, — голод первой зимы (1628–1629 годов; из 303 пионеров тогда умерли 52). Косвенно на это время указывает вынос мертвецов за стены острога на неосвященную землю — церковь выстроят только следующим летом (и где на Стрелке хоронили дальше, историки знают, границы тех погостов, ныне застроенных, известны). В любом случае ясно, говорят археологи, что «случилась какая-то трагедия». На 38 закопанных лишь один гроб, точнее, кусок от него. На скелетах нет крестов, обувь у немногих, это поршни — лапти, но не из лыка, а кожаные («шевели поршнями» — от этого пошло). Лежали по православному обряду — головой на запад, руки сложены на поясе.

Департамент градостроительства Красноярска [сообщает](#), что облик основателей города по черепам восстановят в местном медуниверситете, а для радиоуглеродного исследования материал отправят в лаборатории Новосибирска или Китая. К юбилею обещают закончить и дать отчет.

Всякий старый город стоит на костях. Но есть что-то щемящее в этих сваленных в яму скелетах и черепках с полным набором здоровых зубов.

Молодые: у многих так и не успели прорезаться третьи моляры — зубы мудрости.

И точно проглядывает некая общая канва во всем дальнейшем. В том, что последует.

Дети и пароход, 30 октября 2017 года. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Не спи!

Святитель Николай — тот, кто не дает спать. Тот, кто стучит в самое сердце. Напоминает о себе и еще о чем-то. О чем?

В 90-е мне зарядили однотипные звонки — когда в час ночи, когда в два, а то и в три. Далеко не каждую ночь, но что характерно — именно в конце какого-либо из ночных часов или его начале, скажем, без двух минут три или в одну минуту четвертого. Поднимал трубку. Мне говорили: «Святитель Николай, без замечаний». И — отбой.

Понятно, ошибались номером. Понятно, не меня называли Святителем Николаем, а представлялись. Бывает.

Но порой, если звонок будил в какой-то не той фазе сна, чувство собственного величия могло распухнуть: кто я такой, коли мне сам Святитель Николай докладывает, что всё в норме? Что-то буркал в ответ.

Впоследствии разобрался. Ну или мне так хотелось думать. Святитель Николай в Красноярске присутствует во плоти — это колесный пароход, поднятый с кладбища кораблей,

воссозданный и помещенный на сушу на Стрелке. Дело в том, что на нем путешествовал Ленин — вот к его столетию благодарные красноярцы и превратили корабль в музей. Со сносом СССР публичную историю «Св. Николая» дополнили тем, что на нем до Ленина плавал и последний российский царь (когда еще был цесаревичем). Вылепили восковые фигуры Николая Романова и Владимира Ульянова в масштабе 1:1, рассадили по каютам — разного класса, согласно субординации.

Пароход-музей Святитель Николай. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

В 90-е на «Св. Николае» открыли пивбар. Куклу страстотерпца признавали за швейцара. А в каюте с Лениным можно было, договорившись, и заночевать — это еще раньше, до того, как пароход стал моделью ковчега, а был исключительно красноярской «Авророй»; сторож за трешку пускал бесприютные пары. Ну да, Ильич там думал о судьбах России, но не будем ортодоксами и догматиками, будем тоже вполне революционны, высвободим деловую активность и частную инициативу. (В Туруханске, музее политической ссылки, на диванчик Сталина разрешали присесть так, за бесплатно.)

И, по всей видимости, сторож с парохода (не тот — того уволили, уже другой) звякал мне спросонья да в темноте, тыкая пальцем не туда. Должно быть, их смотрящий, тот, «кто на пульте», имел похожий на мой номер (227925). Сам в студенчестве работал сторожем, сам заводил будильник, чтоб позвонить, — знаю. Ну или хронически сбила техника, переключая на меня.

В подтверждение этой версии время от времени прорывались ко мне и другие филиалы краеведческого музея. «Дом Юдина: без замечаний», «Административный корпус, ну все, до утра, спокойной ночи». Звонили из Литмузея. На дверях там висела монументальная табличка с кратким обещанием замечательной развязки: «Выходной день — воскресенье».

Но все же на корабле-музее служил наиболее бестолковый, девять к одному.

Отключать телефон на ночь не мог — редакция в Москве, там еще вечер.

У парохода-музея Св. Николай. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Потом режим звонков (а продолжались они годами) сменился. Если и раздавались, то не раньше трех. Если проспали, уже ближе к четырем. Но это редко.

Вскоре, даже если телефон не заливался, посреди ночи я начал просыпаться и ждать. То были исключительные минуты. И вся эта несуразица зачем-то была нужна.

Шестизначные телефонные номера (визитные карточки с двумя телефонами под фамилией, служебным и домашним, смотрелись проектом плиты с датами рождения и смерти) в 2008-м в Красноярске сменили на семизначные, более оптимистичные. И ночной звон прекратился. Потом и вовсе телефон умолк, на домашний больше никто не звонил, выкинул.

Интерактивная панорама Воскресение на площади. Фото: музейный центр Площадь мира

Место встречи с теньями

Один сторож, помню, звонил и докладывал так: «На «Титанике» — норма».

На «Титанике» укротили тени — вероятно, для примирения живых. Палача и жертву разместили рядом. Палача, который был и жертвой тоже, и жертву, которая была и палачом.

Они ходили на этом судне молодыми: Николай — в 23 года, при возвращении из Японии, он еще не стал царем и не повел страну к краху, Ульянов — через 6 лет после него, в свои 27, следуя к месту ссылки в Шушенское. Он уже объединил питерские марксистские кружки и теперь плыл в одну из самых благословенных местностей Сибири, где не только сосна до звезды достает, но вызревают арбузы и абрикосы, — стрелять крупных шушенских зайцев, писать первую толстую книгу (монографию) «Развитие капитализма в России», строить в саду зеленую беседку, «предаваться изнеженности нравов» с Крупской в ее молодости (когда она, как сейчас выяснилось, практически не отличалась от Скарлетт Йоханссон).

И вот конец 90-х: посмотришь на кукол, выпьешь пива, выйдешь на палубу. Та же самая вода, что видели они. Только река, как и время, текут мимо — «Св. Николая» подняли на берег. И только здесь мир и покой. Иллюзия, что мы все в одной лодке. И что никто ее уже не раскачает. Что мифы, идеи, тени прошлого не только разъединяют.

Это было странное время. Или пробел в нем? Казалось, Гражданская война становится историей. Вторая улица после Каратанова на Стрелке — Девятого января. На перекрестке Девятого января и Ленина (как звучит!) открылся Благовещенский женский монастырь: раньше в разрушенной церкви был пушно-меховой склад, при содействии Шойгу и Михалкова ее выстроили заново. Через дорогу от монастыря открыли ларек «Благовещенский», торгующий водкой и презервативами.

С гладкого и покатого постамента Ильича, высящегося спиной к краевой администрации, зимой, как с горки, катались дети, летом — первые скейтеры.

Ну а улица Диктатуры пролетариата в Красноярске всегда приводила на базар (Колхозный рынок), улица Республики заканчивалась тюрьмой, а на проспекте Свободном, помимо университета, располагалось кладбище.

Вообще Стрелка, где русские поставили за две августовские недели 1628 года четырехугольный острог (длина каждой из стен чуть больше ста метров, нынешняя площадь Мира на этом месте 190 метров на 220), этот пятак — поразительная сцена. В нем — вся Россия, прошлая и сегодняшняя. Как прежде Красноярский край считался модельным, например, по его голосованию судили об умонастроениях всей России, так и эта ограниченная человеческими измерениями площадка, бывшая крепость в историческом центре Красноярска, — зеркало большой России. Капля, а в ней — всё о воде. Пробник России, аннотация.

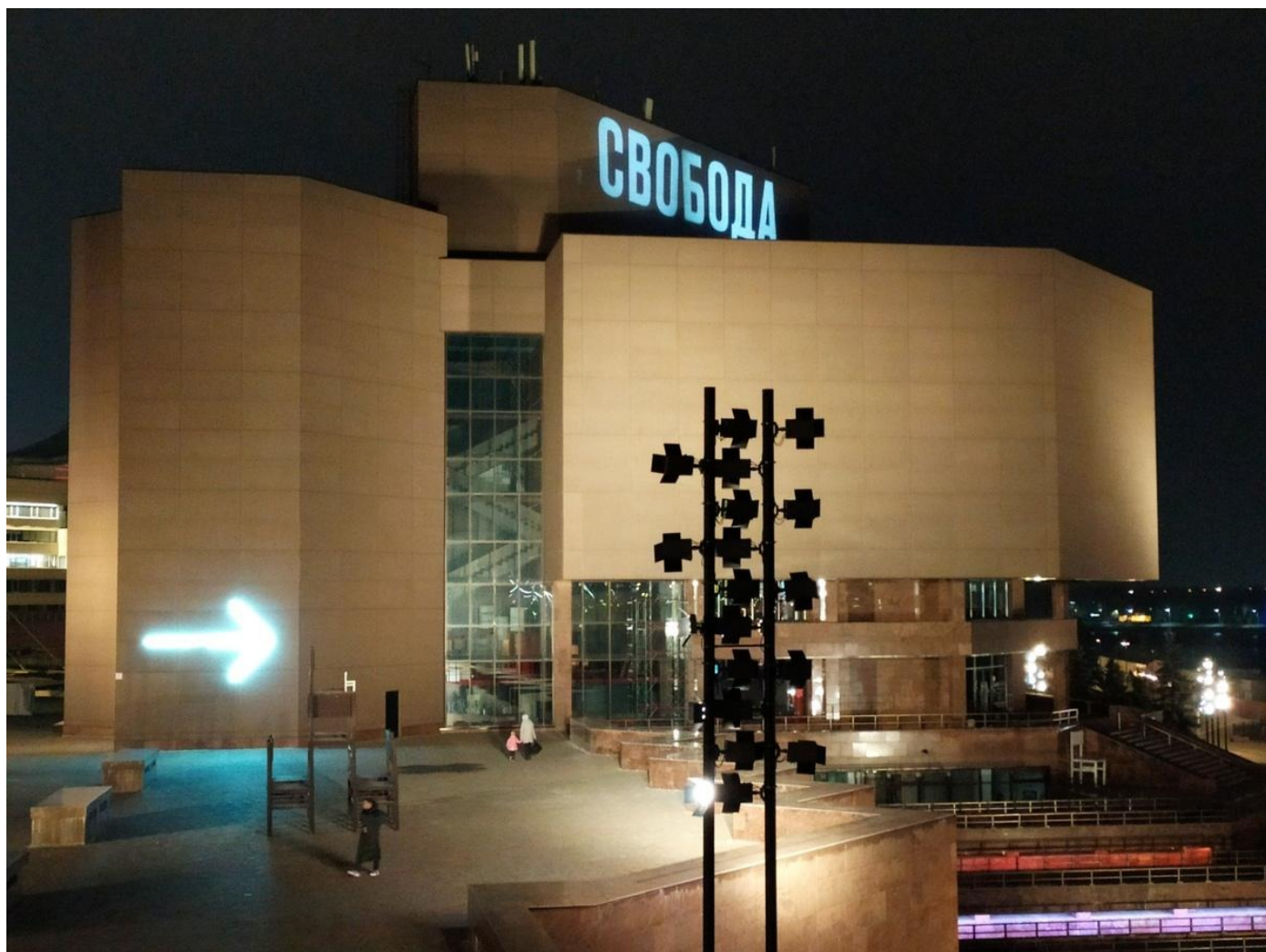
С северной, стороны площади Мира. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Здесь символических связей и знаков, задуманных нарочно и невольных, увязывающих всю историю последних веков, — выше крыши. И здесь теперь происходит столкновение. Здесь с одной стороны площади Мира по вечерам загоралась Z, она же одно время зажигалась на гигантском экране на фасаде филармонии, а с другой стороны каждый вечер на музейном центре вспыхивает слово СВОБОДА и горит ровным светом уже восьмой год, несмотря ни на что. Нормальное такое соседство. Плывут в воздухе подряд, даже без запятой «Z СВОБОДА».

Смешение — как в жизни. И — ничего, прежде уживались. Не то чтобы взгляды и убеждения ничего не значили, просто есть нечто поважней, глубинней. Но что-то меняется. Что? И кто противоборствует на Стрелке? Либералы в этом крае по определению не рождаются, климат и ландшафты не дают, днем с огнем не сыскать. Кто противостоит архаистам? Просто люди? С состраданием, чувствующие и понимающие — тем, кто эмпатию в себе давит, кто, если будет нужно, станет людоедом? Люди свободных занятий — тем, кто на госслужбе? Те, кто с понятиями, против тех, кто без них? Прочитавшие какое-то

количество книг — тем, кто никогда ничего? (В Красноярском крае перепись 2020 года зафиксировала 154 406 граждан, получивших лишь начальное образование, 36 053 вообще не имеющих образования и 2790 неграмотных людей.) Кто все эти молодые люди с хорошими и еще целыми зубами?

С южной стороны площади Мира. Музейный центр Площадь мира. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Филиал мавзолея

Итак, к столетию Ильича, в 1970-м, поднимают на Стрелку кораблик. К 70-летию Октября здесь же воздвигают помпезный Филиал музея Ленина. А у режиссера-документалиста Владимира Кузнецова рождается (еще тогда) логичный вопрос: почему бы в Красноярске — городе всевозможных филиалов — не соорудить и филиал мавзолея? Выставить на обозрение зуб политссылного Ульянова, вырванный безызвестным

красноярским дантистом. Снимая картину «Ленин на Енисее», Кузнецов обнаружил документальные свидетельства того, что Ильич специально приезжал из Шушенского в Красноярск вырывать зуб. Оставалось подключить юных краеведов-следопытов, и можно не сомневаться: нашли бы. «Поместим его в чашечку из горного хрусталя, — говорил Кузнецов, — поставим охрану, табличку повесим, мол, филиал Мавзолея Ленина, Зуб вождя мирового пролетариата. Благодарные сибиряки встанут в очередь полюбопытствовать. Опять же парады можно принимать».

Ну да, а при смене власти можно было бы демонстрировать как один из зубов дракона, регулярные посевы и всходы которых, собственно, и объясняют нашу жизнь.

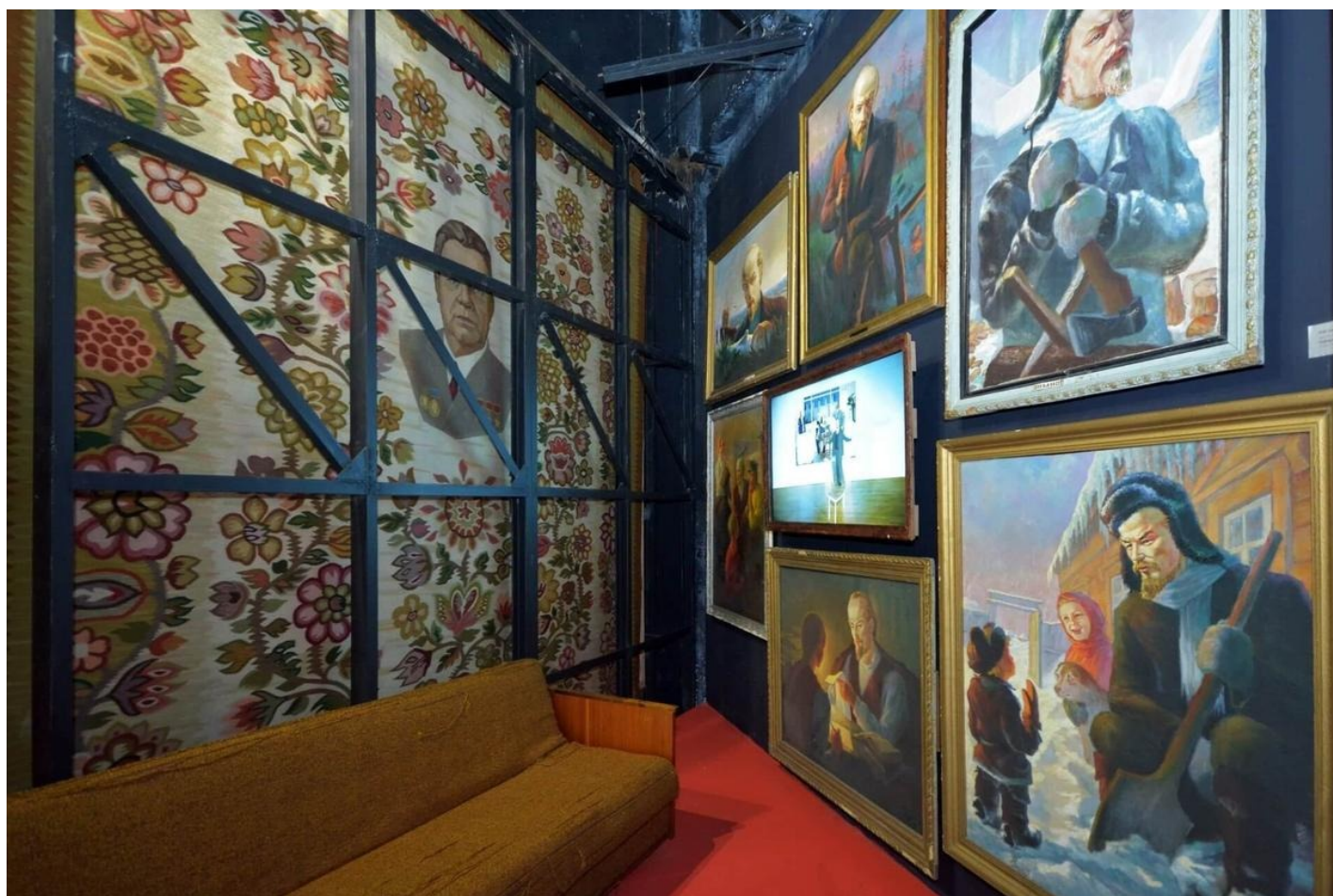
Зубо-арт Василия Слонова. Фото: личный архив художника

Несмотря на блестящие перспективы — не сложилось. Зато

будущий большой художник Василий Слонов, в 90-е только начинавший, зарабатывал одно время, рисуя зубы. Точнее, всякий раз один зуб, а вокруг виньетки орнамент. У стоматологов уже тогда стал культовым живописцем. А к столетию русской революции Слонов сделал для музея серию «Русская улыбка», и **это уже не зубы** — модули для советского антропологического проекта, для конструктора человека нового типа (эти железные зубы, вырывая у мира счастье — чтобы для всех и даром, — ломаются).

Филиал музея Ленина переименуют в культурно-исторический центр. Потом актуализируют название — «Площадь мира». При этом экспозицию ленинскую не уберут — единственный из всех 13 филиалов в странах, вышедших из СССР. И окажутся правы: народу приходит с каждым годом все больше.

Работы П. Салтыкова о шушенской ссылке Ленина. Проект «Советская изнанка». Фото: Площадь мира

В начале 90-х в уличном пространстве музея вырастет сфинкс —

из палок и строительного мусора, из полиэтилена, пенопласта: физиономией напоминал вождя. По верху — гирлянды. Простоит недолго: сильные тут, в енисейской долине, ветры, снега... С ленинианой работали, переосмыслили, пересобирали. Вот Ленин в шушенской ссылке как инопланетянин, мифический человекобог. Таким он предстает в работах живописца Петра Салтыкова из закрытого города Красноярск-45, написанных «в стол», не показанных никому; в музей их передали в 1997-м, после смерти художника.

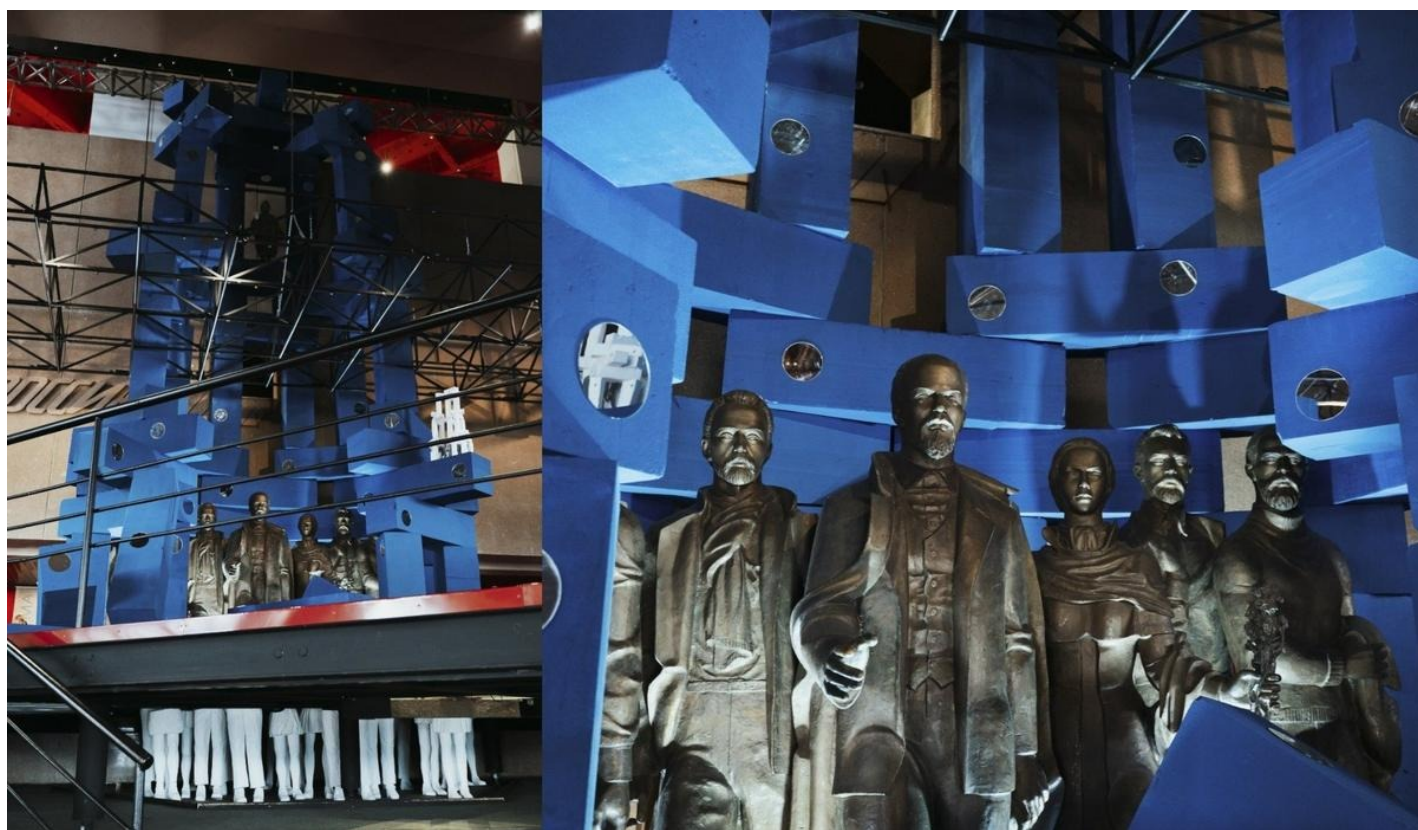
Это иконостас. А в углу — дверь в квартиру № 9, привезенная с разборки барака. «Девятые врата». За дверью жмет кнопку звонка еще одна кукла Ильича в натуральную величину. В музее [предупреждали](#): «На его inferнальный запрос «Впусти меня» — правильный ответ: «Никого нет дома».

Знамя юных из 1905 года, найденное на чердаке в 1987-м вместе с листовками. Фото: Площадь мира

Но теперь к лениниане совершенно иное, чем 50 или 20 лет

назад, отношение. А тем более к знамени, вышитому молодыми красноярцами в 1905 году. Знамя вместе с листовками и типографским шрифтом хранились на чердаке дома №9 по улице Марковского, нашли его в 1987-м при сносе, передали в музей. В 2017-м знамя вновь увидело свет, впервые после 111 лет забвения. Входная инсталляция нынешней биеннале, уже 16-й, — «Телепорт» Алексея Шидловского. Многоярусная вавилонская башня, возносящая духов прошлого — бронзовых большевиков — в будущее.

Алексей Шидловский. Телепорт. Фото: Площадь мира

Тут же, у музея и «Св. Николая», 30 октября 2001-го установили камень памяти жертв политических репрессий. Камень называли и закладным (на будущий памятник открывали сбор), и мемориальным (дескать, и этого хватит). В итоге памятника Красноярск так и не добился. И это здесь — в профильном крае, каторжно-гулаговском. Но само примыкающее к камню здание музея (советский модернизм), эти огромные кубы, волшебным образом, если смотреть сверху, образуют проекцию купола с крестом.

И потом. Бывший музей Ленина стал крупнейшей в азиатской России площадкой совыриска, в нем и на примыкающем пространстве Стрелки регулярно появляются и исчезают грандиозные арт-объекты, инсталляции, скульптуры и циклопические поделки. Они и составили альтернативу государственным памятникам, чугунным и неизменным. В тех самих есть что-то тоталитарное, и они в роли овеществленной памяти жертвам тоталитаризма — не самое удачное решение.

Василий Слонов. Родина-мать. Было-стало. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Тот же Слонов установил 15 лет назад рядом с камнем Родину-мать. Сваренную из жестяных листов гигантскую матрешку (матрешка — Матрена — mater — мать), безликую, одинаковую со всех сторон, будто недообработанную — как заготовку для дальнейшей работы, что никогда не будет сделана. Сам силуэт матрешки — единство и множественность, несдвигаемость и диалектика; неустанное воспроизводство поколений, одного за другим («бабы еще нарожают» — слова, приписываемые маршалу Победы). Вообще художник посвятил ее женщинам фронта и тыла. А затем над железной Родиной-матерью начали работать — ее стали одевать-обвязывать. Придавать ей мягкость и тепло. Создавать лицо. Прикоснешься к Родине-матери — уже

не окалина на руках. Она уже в халате, с русой косой. Обвязывали ее мастерицы со всей страны, квадратами нужной гаммы и узором «бабушкин квадрат». Ушли десятки килограммов (и километров) пряжи. А потом снова — голая жечь. И ржавчина, покрывающая фигуру. Еще раз одели. Но что тут надолго — на открытом енисейском берегу.

Ржавчина — наше утепление; она, визуально напоминающая запекшуюся кровь, входила в авторский замысел: все живут и стареют, и никакая земля не залита кровью так, как русская, «пропитанная слезами от коры до центра».

С началом СВО нападки правильной общественности на музей, на Слонова, матрешку, естественно, участились, и в 2023-м матрешку демонтировали — после очередной смены директора музея (тогда по регионам широким фронтом прошла волна, смывшая директоров библиотек, музеев, театров — культурных институций, подконтрольных местным властям). Заявили, что Родину-мать отправили на реставрацию. Понятно, не вернулась. Осталась от нее плита на асфальте, расписанная под хохлому.

Василий Слонов. Ватное сердце Родины. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Десять лет назад, в 2015-м, Слонов открыл в Москве на Винзаводе выставку «Ватники апокалипсиса», уже был «Сад ватных камней», ватные купальники и ласты, а здесь, на Стрелке, художник установил «Ватное сердце Родины». «У нас всех есть Родина. И несомненно, наша Родина — она Мать. И естественно, у матери должно быть сердце. А какое оно, это сердце? Конечно же, ватное, конечно же, большое и теплое. <...>».

А выставка «Дневники войны» (среди авторов Виктор Сачивко и Вадим Марьясов)? С их светящимся мартирологом всех погибших в современных военных конфликтах солдат, призванных из Красноярского края, с их письмами и фотографиями, их именами и лицами... «Дневники войны» открылись в 2018-м. В свою очередь они стали продолжением другой постоянной выставки — «Затяжной прыжок», ее открыли в 1995-м: Афганистан, Таджикистан, Чечня...

Выставка «Дневники войны» (на опыте красноярских солдат в Афганистане, Таджикистане, Чечне). Фото: Площадь мира

Конечно же, профессионально любящих родину все это раздражало. Мог ли их не нервировать такой парадокс: «Площадь мира» (тогда еще КИЦ), расположенную в центре Азии, в 1997-м признали лучшим музеем года в Европе, в следующем году она получила спецприз Совета Европы «За вклад в развитие европейской идеи»; была, к слову, и госпремия России; и вот только что стала музеем года — по версии крупнейшей отечественной экспертной ярмарки Cosmoscw. Ну что это, куда годится?

«Идеологическая диверсия»

Депутат заксобрания Красноярского края («Единая Россия») Елена Пензина — [зампредседателя](#) комитета по строительству, ЖКХ и вопросам ГО и ЧС. [Председатель](#) этого комитета — тоже единоросс Алексей Кулеш. 30 октября он [приходит](#) и стоит с красными гвоздиками у стен музея, у камня жертвам

политрепрессий. Ждет, когда венок от краевых властей к камню приставят (они с ним одинакового размера, он бы его полностью закрыл, поэтому ставят рядом). Ждет, когда цветы возложат бабушки.

30 октября 2025 года, у камня-верхонки. В центре депутат А. Кулеш. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

А заместитель Кулеша Пензина обращает свой взор на «Площадь мира» за два дня до этого, 28 октября. [Пишет](#) (орфография авторская):

«Очень интересный разговор состоялся тут у меня с кандидатом психологических наук, преподавателем СФУ (*Сибирский федеральный университет*. — А. Т.) Ольгой Финогеновой. Тема нашей беседы касалась действующих и прошлых экспозиций Красноярского музейного центра «Площадь Мира». И нет оснований полагать, что идеология ненависти к своей истории транслируется по недомыслию, не нарочно. Культурный центр

работает со смыслами и символами и как государственное предприятие должен формировать позицию и заниматься пропагандой, осмысленно, а плодит негативное отношение посетителей к своей родине, советскому периоду российской истории, власти нашей страны и к Великой Отечественной войне тоже — чего стоит одна только покаянная железная арка.

И такая направленность в культурной деятельности музея происходит длительное время, что свидетельствует об целенаправленной и осмысленной работе руководства музея по обесцениванию российской истории и культуры.

И я согласна с Ольгой Николаевной, что такая деятельность называется идеологической диверсией. Запрос в Минкульт готовлю. Сразу напишу тем, кто будет топтать ножками и писать всякую чушь в стиле «а кто она такая, чтобы рассуждать о великом искусстве». Великое искусство — это Суриков, Айвазовский, Некрасов и многие другие, но точно не Дэвид Кинг или Ренат Волигамси».

Игорь Тишин. Красная Шапочка. Фото: Площадь мира

И тут же отклики:

- «Да, очень интересно! Надо потрянуть этих соросят. Что в Москве, что в Свердловске — окопались. Михалков их постоянно в «Бесогоне» дергает. Думал, что в Красноярске их нет. Куда там!»
- «Да, конечно. Культура в России пропитана этим дерьмом вся. Пока все головой крутили, этой дрянью пропитали и культуру, и образование. И в Красноярске в том числе, куда ж без нас.»
- «Эта арка не должна быть безымянной. Имя автора и тех, кто отмывал нацизм и глумился над его жертвами, должны быть известны. Не одному же мальчику Коле с Уренгоя отдуваться».

Для справки. Данная выставка сделана при поддержке краевого правительства, минкульта, сделана совместно с десятком

важнейших госучреждений, при сотрудничестве с тем же СФУ — его поисковым отрядом «Трасса» Военно-инженерного института.

Музейная ночь на 2 ноября. У поклонной арки Хаима Сокола. Фото: Алёна Ротенберг

Так возмущившая депутата «покаянная железная арка» **в реальности** — о вечной памяти бесчисленных жертв самой страшной войны XX века, это работа художника Хаима Сокола (так себе имя-фамилия для идеологического диверсанта, ставящего под сомнение ее итоги). Арка — в центре Синих залов музея, огромная выставка «Этот день мы приближали...» работает с 2020-го, посвящена 75-летию Победы, уж за столько лет-то ученой даме и даме, облаченной властью, можно было разобраться: в нее, эту арку, не склонившись, не пройти. В объемной ржавой букве «П» — поклонение, покаяние, память... Еще и почта — на арке старые почтовые ящики, как надгробия, оборванная или несостоявшаяся переписка... «Мертвые письма» — так называлась московская выставка Сокола в 2010-м,

собственно, тогда арка и переехала в Красноярск, и в газете самого СФУ о ней в то время [рассказывали](#) тогда куда благожелательней. Да просто грамотней, увидев (или узнав) об отсылке к арке императора Тита в Риме, воздвигнутой в честь окончательного на тот момент решения иудейского вопроса.

Пензина приводит фото неизвестной информационной продукции, где арка названа покаянной. Но почему бы ее так не назвать? Нам не в чем каяться? Только один вопрос: все кости солдат той войны подняты и захоронены, как положено, вся правда сказана? Во-вторых, скорее всего, это невнимательность писавшего, поскольку повсюду в музее она называется поклонной. Депутат тоже, надо полагать, по невнимательности, спешке, а не безграмотности, оставляет в своих сообщениях ошибки, путает одно с другим, и что сейчас? При чем тут диверсии?

У музея стоит памятник (вполне традиционный, даже слишком) великому земляку, Виктору Астафьеву. [Из его письма](#) одному генералу в 1987-м: «Сколько потеряли народа в войну-то? Знаете ведь и помните. Страшно называть истинную цифру, правда? Если назвать, то вместо парадного картуза надо надевать схиму, становиться в День Победы на колени посреди России и просить у своего народа прощение за бездарно «выигранную» войну, в которой врага завалили трупами, утопили в русской крови».

Что доцент Финогенова и депутат Пензина предлагают сделать с Астафьевым?

43-я музейная ночь Предел прочности, 1 ноября 2025 года. Фото: Алёна Ротенбер

...А через четыре дня после Пензиной и через два после посещения Стрелки Кулешом, 1 ноября, в «Площади мира» проходит очередная музейная ночь. И за несколько часов до нее музей зачищают и надраивают, как солдатский сапог, — ждали почему-то визита людей в штатском, и отнюдь не из минкульта (или другого какого учреждения краевой власти). Поэтому убрали все, что могло породить лишние вопросы (для чего, в частности, и существует искусство и культура). Например, планировались «подпольные экскурсии» после полуночи — в подвале, где музейный электрик Леонид (Леха) Павлов десятилетиями собирает собственный фонд работ (там много чего веселого, в т.ч. от культовых художников). Экскурсии ночью прошли, но перед этим в подвале навели порядок. Например, с доски почета сняли портрет художника Слонова и убрали подаренные им на днях в коллекцию Павлова большие стальные очки с оправой и дужками из арматуры («Сейчас у людей в глазах одни рубли»).

Василий Слонов со стальными очками. Фото: Архив художника

Возможно, дело в том, что в прошлом году художнику [дали год исправительных работ](#) за публичное демонстрирование экстремистской символики: восьмиконечных звезд на округлых плечах неваляшек. Натурально за ироническую раскраску детских игрушек: отныне это «обозначение движения АУЕ*» («Арестантский уклад един», движение признано экстремистским и запрещено в РФ). Слонов продолжает бороться за отмену приговора.

Но чем провинились очки? Само фотоизображение художника? Его имя не под запретом, как и его работы. И в экспонатах электрика Павлова ничего против власти отродясь не было. «Ладно, увожу все в деревню, там буду делать выставку».

Хорошо и давно знакомый метод: убрать/

заблюрить отовсюду/везде, во всех реальностях. Будто от этого фигура умолчания не делается заметней, не порождает новые лишние вопросы. Но заметьте: это не силовики, это и не местные власти делают — обычная самоцензура.

До и после полуночи. Как Слонов исчез с доски почета. Первое фото: архив, 1 ноября. Второе — соцсети (У. Восклецова), ночь 2 ноября.

Война символов

Мемориал жертвам политтеррора задумывался как поднятая вверх каменная ладонь с разломом по «линии жизни». Рука — в наручнике. Но в процессе изготовители запросили дополнительные 15 тыс. долларов: для вырубания пальцев и резания линий на ладони выбранный материал — местный сиенит — не очень годился. Денег не было, и осталась рабочая рукавица — верхонка.

Все же этот скромный камень полюбили. К нему несли цветы. Что-то случалось, очередное политическое убийство — и горожане шли сюда. Иногда несли фотографии и рукописные послания миру.

Камень-верхонка, 30 октября 2025 года, утро, до организованного возложения цветов. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

И вот за день до зачистки музея и спустя день после выступления Пензиной ее коллега и руководитель (по парламентскому комитету) Кулеш приходит к камню и стоит с гвоздиками. «Возвращения имен» в Красноярске больше нет, во всяком случае организовано имена расстрелянных уже несколько лет не зачитывают. Сначала эпидемиологические ограничения, а два года назад «Площадь мира» (все главные акции этого дня прежде проходили здесь) вдруг закрыли: сообщили о минировании здания. За три дня до того собрание с концертом по этому же поводу планировали во Дворце Труда —

внезапно и до следующего утра его обесточили.

Оба сорванных мероприятия курировали краевые министерства — культуры и социальной политики, выделялись бюджетные деньги. Ничего о поиске и поимке хулиганов не сообщалось. На этом фоне — в краевой бюджет (неизменно с 2001-го) продолжают закладывать ежегодный венок жертвам политтеррора, гвоздики и т.п.

То есть и так можно (помнить и скорбеть), и наоборот (срывать эту память, смеяться над стариками), власть приемлет и то, и другое? 30 октября 2025 года собравшиеся обнаружили: большой палец каменной варежки дважды перевязан георгиевской лентой. Зачем она тут — решительно неясно. Но снимешь ее — скажут надругательство и экстремизм.

Провокация? Так уже было. Именно из-за недостаточного почтения к георгиевской ленте Красноярск однажды, 5 мая 2018-го, осознал начало новой эпохи: тогда, возможно, впервые после революционных страстей и гражданской войны власть масштабно применила силу против мирных граждан.

В тот день проходила обычная акция протеста, не очень многолюдная, мирные лозунги. В соседних Новосибирске и Иркутске все как обычно — без столкновений. Сибирь к уличным политическим протестам относилась терпимо, и здесь в последние десятилетия режим зубами без острой нужды не клацал. И вдруг в Красноярске — жесткое «винтилово». Такое, какого здесь и не помнили. Людей десятками хватали без церемоний, волокли по асфальту, разрывая куртки, забрасывая в полицейские пазики и узики. Задержанным потом передавали спавшие с них кроссовки и кеды. Один из митинговавших, по всей видимости, потерял сознание, упав лицом на тротуар. Это все происходило на моих глазах и снято множеством камер.

Выставка «Страна происхождения». Михаил Рогинский. Фото: Площадь мира

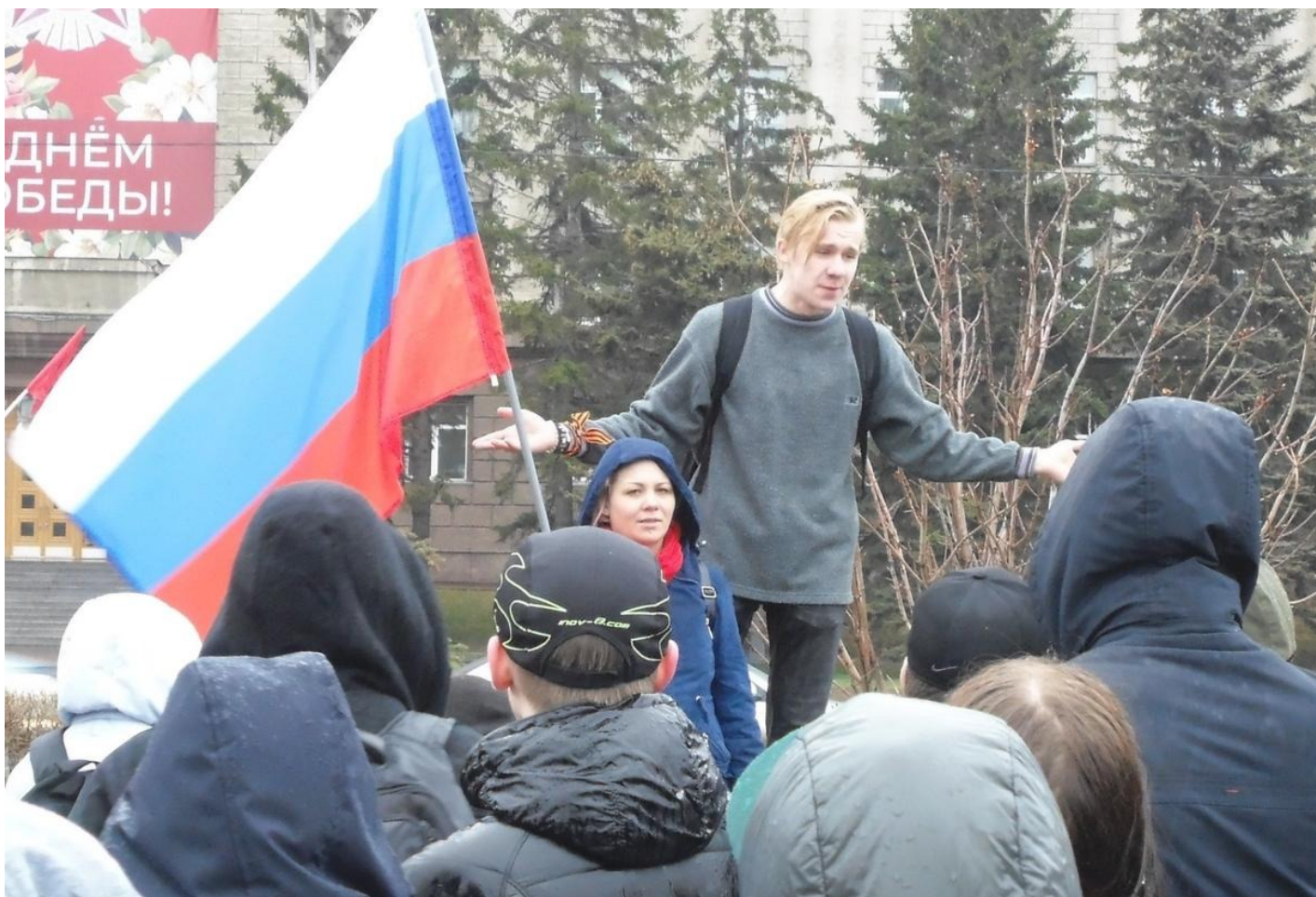
Через день начальник полицейского главка объяснился: «У нас есть неопровержимые доказательства противоправных действий ряда граждан. Сегодня они все анализируются. <...> Я рекомендую вам посмотреть соцсети и почитать комментарии. Есть в ряде комментариев видео, где молодой человек бросает георгиевскую ленточку возле урны. Это чисто по-человечески возмутительно».

Надо полагать, были и другие поводы, но их генерал не конкретизировал.

Я своими глазами видел, как это происходило и что этому предшествовало: протестная акция с гуляниями по городу под дождем закончилась, к группе молодежи у стен краевой администрации подошли люди в штатском, повзрослей. Один из юношей встал на скамью толкать речь. И подошедший посоветовал оратору снять с запястья георгиевскую ленту: «Ее нужно носить на груди». Тут и публика заметила, загудела.

Парень, стоя на возвышении, ленту снял. «Кидай», — сказал ему взрослый. Юноша отпустил ее из рук, и она упала... возле урны. Напарник в штатском посмеивался и снимал видео. Потом и выложили его (на этом канале в ютубе была лишь одна эта запись).

За мгновение до провокации. На запястье правой руки оратора георгиевская лента. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

А как лента оказалась на запястье у юноши? Мэрия не согласовала ту акцию, устроив на этом месте раздачу другими юношами и девушками в футболках «Единой России» как раз георгиевских лент. Какое-то время две акции соседствовали — вполне миролюбиво. Парню этому, как и многим другим, красотки этих лент и навязали. Бинго.

Сейчас снимать ленту с камня-верхонки не стали. Хотя все ее заметили. И теперь возлагали цветы, получается, и этой ленте тоже, хотя здесь ей не место, и символизирует она совершенно

другое.

С 2018-го местные власти, похоже, и дистанцировались от низовой политики. Отдали ее силовикам — все реакции на их усмотрение. И теперь так: День памяти жертв политических репрессий — в официальном календаре, никто его не отменял, власти готовят мероприятия, тратят бюджет, но власти не против, если что пойдет не по их сценарию. Они уже не контролируют активность черни, пусть у чекистов и полиции голова болит. Не то чтобы это было существенно, что-то здесь значило, но есть бюджетники, есть служивые, есть те, кто формально оглядывается на власть, — и таких все больше.

Кончится лето, и с октября 2018-го над городом поплывут семь воздушно-световых букв:
СВОБОДА.

Эта инсталляция — реплика той «свободы», что написана красноярцами на пригородных скалах (на Втором столбе) еще в 1899 году, и с тех времен надпись эту регулярно подкрашивают — это ритуал, дорогой городу.

И именно здесь, на Красноярском экономическом форуме, Дмитрий Медведев в 2005-м произнес: «Свобода лучше, чем несвобода».

Потом в лавке «Площади мира» появятся подушки со «свободой» — надпись повторяет силуэт букв на музее и светится. Можно унести домой.

И тогда же, осенью 2018-го, вслед за «свободой» (уже не на Стрелке, но рядом, в двух кварталах) перед историческим особняком, где разместилось главное следственное управление красноярского следкома, установят большую, из крашеного

бетона, кедровую шишку. Народ будет гадать в соцсетях и в СМИ: это остроумие такое? Предупреждение? Дескать, на шишку, на кулан всех вас? Шишек тогда понаставят по всему городу — каждая под 2,5 метра в высоту, оранжевые, розовые, самых нелепых цветов, еще и с подсветкой. Чиновники назовут их арт-объектами.

Площадь Мира. У башни Саурана на митинге 31.01.21. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

31 января 2021 года фотографии с площади Мира обойдут весь мир. Кто-то снял с верхотуры: плотные ряды черных силовиков, картинно выстроившиеся в каре — только обращенное спецсредствами не вовне, а внутрь, — теснят кучку пестрых молодых людей, в основном девушек. Несоразмерность — из палаты мер и весов, дистиллированная: силовиков больше на порядок. Тогда с очередной протестной акции заберут вообще всех, кто вышел на площадь. И это было действительно

кинематографично: смог, минус 35, за ночь подходы ко всем центральным красноярским площадям перегородили снежными валами выше человеческого роста, валы нагребли и на самих площадях. И всюду — цепи из автобусов, набитых силовиками: вокруг площадей, в сквозных дворах. Черные шлемы, дубинки — «космонавты» стояли плотно друг к другу в несколько рядов, закрывая все выходы с площади Мира, и начали сходитьсь.

Народ пел «В лесу родилась елочка», встал в хоровод. Пел «Бременских музыкантов»: «нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы». Пел «Катюшу» и гимн России. По одному выхватывали, грузили в автобусы — белорусские МАЗы, на кабинах надпись «Беларусь».

Площадь Мира. Подавление протестов 31.01.21. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

...Зима, темнело рано, еще и смог. Как только управятся с

последними и уедут, над пустой площадью загорится «свобода».

До этого на тех же автобусах сюда же, на площадь Мира, привозили бюджетников из районов, пенсионеров — на 12–15-минутные митинги: шла «русская весна» 2014-го, задорно грозили Украине и Западу. Только на тех автобусах тогда были таблички «Дети».

Стрелка. Карта 2ГИС с пометками автора

Цирк на погосте

На Стрелке стоял Воскресенский собор, при нем был погост. В конце 1920-х его разграбили, устроили аэроклуб, механический завод. В 50-х снесли, в 80-х возвели на его месте филармонию. Погост, где и были самые старые захоронения (до нынешней находки 38 скелетов), закатали под асфальт. В 90-е, когда прежде закрытый Красноярск открылся миру, на могилу графа Николая

Резанова (известного нам по «Юноне и Авось», последнего политика, пытавшегося «обвенчать» Россию с Америкой) начали прилетать американцы. То елку свою посадить, то привезти землю с могилы его возлюбленной Кончиты, дочери испанского коменданта Сан-Франциско. Местное начальство не знало, куда их отвезти. Водка и конфеты «Командор Резанов» у нас были, был фонд и штаб «по проведению мероприятий», связанных с Резановым, а могила — осквернена и утеряна.

Ничего, как прижало — нашли сразу три. И на Стрелке, и якобы перенесенную на Троицкое кладбище. Сначала за его оградой, потом внутри, у храма, где удобней встречать делегации.

Позже на Стрелке воздвигли кенотаф и памятник Командору. А бюст местному ленинцу К.У. Черненко, короткий срок руководившему СССР, в свою очередь исчез.

Красноярск, музейный центр Площадь мира. Фото: Сергей Филинин

На закатанном погосте, разграбленном и разваленном храме продолжились характерные события. Под конец СССР здесь возвели было под один из проектов века — Канско-Ачинский

топливно-энергетический комплекс — самую высокую в Сибири башню. НИИ, лабораторный корпус. В пристройке рядом инженерно-вычислительный центр. Далее ресторанный комплекс и гостиница на тысячу мест. Ввести в эксплуатацию не успели, и уже тогда, с конца 80-х, в башне переломали все, что сумели. Тут ночевали бездомные, тусили неформалы, потомки большевиков вывешивали по праздникам над городом алый стяг.

Ресторанный недострой в нулевые отдали китайцам. Те открыли Китайский торговый город. А на самой исторической площади, окаймленной руинами социализма, китайскими лотками и новостроем — гипсокартонной триумфальной аркой, возведенной непонятно в честь каких побед, — в сумерках собиралась золотая молодежь. Здесь дрифтили — проходили повороты в управляемом заносе. Красиво: китайцы, выходя из казино, цокали языками.

В прошлом десятилетии снова все переиграли. Китай-город у китайцев забрали в пользу местного бизнесмена (с репутацией «кошелька» одного крупного местного госдеятеля), свечка «КАТЭКНИИУгля» и гостиница, превратившаяся в офисный центр «Метрополь» (где теперь министерства сидят, банки, рестораны), к тому времени уже были его. Китай-город снесли. Далее башню, говорили, отжали москвичи. В реальности армянские строители из Подмосковья башню лишь заламинировали-застеклили, пустили по ней иллюминацию, внутри пусто. Теперь она лишь сияет, башня Саурана. В 2019-м ее выставили на продажу.

Площадь мира. Башня Саурыона, она же бывший КАТЭКНИИуголь. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

На самой площади Мира, на костях, теперь заливают каток. В этом году открытие будет 14 ноября, обещают «цирковые номера на льду». Помимо того, на Стрелке уже построили одну церковь, небольшую, святых Иоакима и Анны, родителей Богородицы, но это только начало, проба пера — собираются строить новый собор, громадный — Богородице-Рождественский кафедральный. Почти копию прежнего: тот взорвали в 1936-м. Взорвали не на Стрелке, чуть подальше — чтобы очистить место для воздвижения крайкома компартии, ныне это краевая администрация. Сейчас решили не взрывать и не срывать больше ничего, ни краевое правительство, ни филармонию. Патриарх Кирилл заблаговременно, еще в 2012-м, выбрал место рядом с ней. Прямо на низком берегу, там, где люди гуляют по набережной, Енисей периодически поднимается вплотную до выбранного места. В сентябре заложили краеугольный камень. Собор обещают к 400-летию

города.

На пароходе Св. Николай сейчас работает выставка Россия и Китай четыре столетия вместе. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Сопредседатель попечительского совета собора (бывший губернатор, а теперь сенатор) Александр Усс на днях сказал: «Есть предложения предусмотреть здесь (в соборе) церемониальный зал, создать музей героев СВО». Также он заявил, что «привязку к месту строительства согласовал Арэг Демирханов — автор градостроительного ансамбля прилегающей территории». Добавлю: широко прилегающей — заслугу архитектора Демирханова трудно переоценить в нетипичном облике всего современного Красноярска. При этом не видеть, что собор будет диссонировать с советским модернизмом Стрелки, невозможно.

И это — новая точка раздора.

Гуляя в марте 2017-го по набережной Качи, Арэг Саркисович потерял сознание. Когда его нашли и подняли, пришлось ампутировать обмороженные пальцы рук. Чтобы оплатить

лечение и реабилитацию, семья выставляла на продажу его градостроительные планшеты, картины и чертежи; умер в 2020-м.

Красноярск. Во дворах, объявления у подъезда. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Зона затопления

В 2012-м Олег Хлебников сказал: «Холодная гражданская война». В этой фразе смущает одно слово. Чтобы она была верной, нужны граждане. А так — внутриэтническая, но кто я, чтобы править поэта и старшего товарища.

Тех, кто срывает Z-плакаты, сажают. Но их продолжают если не срывать, то периодически заклеивать коммерческой рекламой. Машинам, на стеклах которых Z и V, стекла уже не бьют — давно не слышно, но и машин таких убывало.

Раскраска малых архитектурных форм или задорная маркировка троп в пригородных горах и лесах в желтые и синие цвета, да так, чтоб синий сверху, усохла. Как поубавилось и одетых в желтый низ и синий верх манекенов в магазинах и вполне живых людей. Депрессия разливается и накрывает. Ни страха, ни радости, одна тоска.

В храмах 30 октября шли заупокойные службы, в Красноярске служил сам митрополит и говорил о «тяжких страданиях от безумцев, пришедших к власти в нашей стране» (в епархии [ссылались](#) на «постановление священного Синода РПЦ» о проведении служб в этот день во всех храмах), даже сами чиновники произносили нужные слова, райадминистрации организовано доставляли гвоздики бабушкам и бюджетницам, чтобы те их положили... Через день наблюдаю, как похожие чиновницы (не те, но такие же) организуют детей и взрослых (не тех, но похожих) разворачивать на том же берегу Енисея громадный триколор — уже ко Дню народного единства.

Но эта апатия — не навсегда. И она не у всех. Ведь вот они — живые люди и чувства: кто-то же перевязал георгиевской лентой камень-верхонку накануне. Кто-то, положив к камню цветы, снял шапку и дал неожиданный памятный выстрел из ракетницы. Кто-то отказался возлагать цветы, «организованно закупленные», и ходил раздавал целый мешок дорогих шоколадных конфет — «помянуть».

А дальше — все может быть. Правил больше нет, и власть больше не борется за умонастроения, за контроль над ними, полагая, что справятся силовики. А ей все равно. Больше нет социально одобряемого поведения или решений, потому что и общества нет.

Шведская паровая машина и гребное колесо Моргана. Пароход Св. Николай. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

В том крыле музея «Площадь мира», где раньше работали общественники, за немытым стеклом табличка «Зона затопления». Когда большая вода и ГЭС ее пропускает — Стрелку топит, енисейские волны подступают к местной «Авроре» со всеми ее пассажирами на борту. И однажды она отдаст швартовы.

Шведские паровые котлы и шведская же машина заявленной мощности 520 л.с., работает на дровах. В час уходит 4,1 куба. В общем, даже на небольшой переход целая роща нужна. Но мы

справимся, даже если нас обманывают, и подлинную машину подменили на списанную с советского буксира.

И пароход поплывет.

*Движение признано экстремистским и запрещено в РФ.